

ТАЙНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ СДАЧИ ЭКЗАМЕНОВ

Про «дневников» с пастырского факультета Свято-Тихоновского института (ПСТГУ, г.Москва) рассказывают, что к последнему курсу их в группе остается пятеро из двадцати пяти человек. Все такие – лысые, очки у них – как бинокли (потеряли зрение в библиотеках), знают по три-четыре языка... Им предлагают:

— Мы можем снять с вас сочинение... (А сочинение у нас – как маленькая диссертация: два месяца читаешь и месяц пишешь).

— Мы можем снять с вас сочинение, но для этого нужно выучить еще арабский.

Они:

— Согласны.

(То есть, что только люди не придумают, только бы сочинение не писать).

И говорят, если ты к пятому курсу не переводишь бегло с арабского на древнееврейский, то считай, что напрасно провел время в институте.

Не знаю, правда это или неправда, но у нас на «вечернем», слава Богу, таких ужасов нет. Супруга моего духовника спрашивает:

— А сколько учатся в вашем институте?

— Ну, все по-разному, – отвечаю, – кто – четыре месяца, кто – семь, кто – два года (редкая птица долетит до середины реки), кто – пять лет, а кто – десять (наиболее усидчивые, второгодники).

У нас есть очень строгий преподаватель.

— Батюшка, – объясняем мы, – но так же институт останется без 117-ой группы.

Думаем: ну все, срезали его.

— Не-ет. – членораздельно поправляет он, – это 117-я группа... останется без института.

Тогда я понял, что я как раз из тех, которые учатся в нашем институте четыре месяца. До первой сессии.

На первом курсе нас пугали, что нашему отцу Георгию ходят сдавать «Новый завет» по пять раз. На пятый раз он ставит «тройку» и тяжело вздыхает:

— Я буду отвечать на страшном суде, что ставлю вам положительную оценку.

Ну понятно, он ревнует, чтобы мы знали не хуже протестантов. Объясняет:

— Они с утра до вечера «долбят» «Новый завет». Потому что у них кроме него нет других предметов. А у нас кроме него еще много других.

— Батюшка, – кто-то из наших интересуется, – а что если мы напишем в сочинении какую-нибудь ересь?

— Вы много о себе не думайте, – урезонивает он, – Чтобы написать какую-нибудь ересь, это надо много знать. Вон, вспомните – выдающиеся ересиархи: Арий, Несторий – это были образованнейшие представители

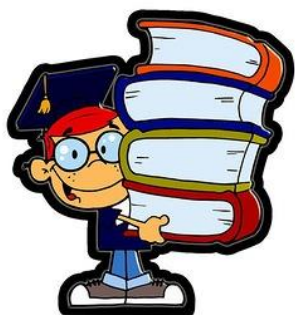

Рис. http://muzotkrytka.narod.ru/Tatyanin_den/13.html

своего времени. А чтобы впасть в прелесть, это надо что-то делать: много молиться, поститься. Так что, – заключает отец Георгий, – написать ересь или впасть в прелесть, нам с вами это не грозит.

Первый зачёт: тест по истории Древнего мира мы сдавали компьютеру... На каждый вопрос он предлагает пять различных вариантов ответа и из них нужно выбрать один правильный. За сутки до зачёта нам раздали листки с вопросами и ответами. Сто сорок новых (для меня) наименований. Такие как: Утухенгаль, Саргон, Аккад, Нарасуен, Эбл и таких сто сорок (!). На-ра-су-эн это звучит для меня как китайская грамота, как набор звуков. И чтобы с моей памятью таких запомнить без малого полторы сотни?! Но полторы сотни новых терминов – это ещё полбеда, но чтобы запомнить ещё сто сорок дат, сто сорок цифр? Это, по моему, уже что-то из области запредельного.

До пяти утра я учил. Причем как запоминал? «Народ кутиев разгромили в 2109 году (до Рождества Христова)». «Кутии» – похоже на православную «кутию», «две тысячи сто девятый» – это «двадцать один — ноль девять», есть такая машина – «ВАЗ 21-09» («Жигули»), Кутию везли на «ВАЗ 21-09», она попала в аварию... Да, а в битве, в которой разбили кутиев, участвовал Утухенгаль. Ну вот, кутию везла на коленках Галя, машина разбилась, она плачет, а её просят: «Утухни, Галь» (Утухенгаль). И то, чему удалось успеть найти такие ассоциативные связи (правда, таких оказалось немного) запомнил намертво, на века. А то, что просто зазубрил, выветрилось из моей головы уже через неделю, оставив её (голову) опять в первозданной, целомудренной чистоте. Правда, недостатки ассоциативного запоминания в том, что мне до сих пор не известно: что это за народ кутиев, где он жил, чем был славен, кто их разгромил, и вообще, Утухенгаль, он в битве за кого был: за кутиев или против? Но то что: «народ кутиев, две тысячи сто девятый год, Утухенгаль» – это я запомнил «железно», не сотрешь.

У г а ч а ! ! !

PEPE.COM

Рис. http://www.liveinternet.ru/users/4086257/post202536387aid_refresh=yes

Зашёл в храм, приложился ко всем иконам, покропили меня святой водой, взял благословение у батюшки, положил пять рублей в ящичек для пожертвований (пять рублей у меня с «пятеркой» ассоциируется)... В общем: православный оккультизм в действии. Ворвался в аудиторию как «на белом коне», и через пять минут вышел оттуда... с «незачетом». А Ильюша, мой приятель, зашел такой смиренный, ничего не знающий и вышел... с «зачётом». И он мне открыл ТАЙНУ.

Настоятельница Зачатьевского монастыря рассказывала, что у неё то ли отец, то ли брат, отец Кирилл (он у неё тоже священник), когда учился в институте, перед экзаменом неукоснительно читал акафист преподобному Сергию Радонежскому, и всегда его ответы оценивались на «отлично», а однажды, перед «Научным коммунизмом», не стал читать. Думает: «Ну что я перед «Научным коммунизмом» буду святого беспокоить?» И получил «двойку». Перед переэкзаменовкой прочитал и получил «пятёрку». С тех пор всегда читал.

Я решил попробовать. Перед переэкзаменовкой «Древней истории» прочитал акафист и получил от компьютера «двадцать два балла из двадцати двух возможных», хотя, как потом выяснилось, три листа с ответами из восьми перед зачетом я вообще не увидел.

Но дальше было интересней.

По «Литургическому преданию» в наших экзаменационных билетах должно было быть по три вопроса. Первый: отрывок из Евангелия (если короткий, то наизусть, если подлинней, то близко к тексту, если совсем большой, то смысл). И при этом еще необходимо указать номер главы и номер стиха (это меня больше всего умиляет: как с моей памятью, вернее, с ее отсутствием, можно демонстрировать такие фокусы). Второй вопрос: «Тропарь двенадцатого праздника», а третий – «Кондак». Место из Евангелия я знал только одно. Тропарей выучил десять – из двенадцати. А кондаков – два с половиной из двенадцати (маловато будет!). И нужно ведь ещё, чтобы это все попало в одном билете! Сажусь на последнюю парту и канючу:

— Ребята, сядьте кто-нибудь рядом со мной, может, вы мне подскажите первую строчку кондака, а дальше, может быть, я что-нибудь вспомню?

А преподаватель распоряжается:

— Та-ак... Все с последних парт пересели на первые. Та-ак... Огляделись вокруг себя: если рядом с вами окажется какой-нибудь предмет, будем считать его вашей шпаргалкой, и вы будете удаляться из аудитории.

Мы испуганно обзираем под собой территорию: если кто-то из предшественников обронил, не дай Бог, авторучку или, еще хуже, какой-нибудь фантик, то все – одним несчастьем у нас станет больше...

Сказать вам, что попало мне в билете? В первом вопросе – тот

единственный отрывок из Евангелия, который я знал наизусть, во втором – известный мне тропарь, а в третьем – кондак, который выучил наполовину.

Время истекло. Преподаватель командует:

— Та-ак... Положили все ручки. Повторяю: положили все ручки. Сдаём работы. Считаю до трёх. Ра-аз... Два... Я не шучу: кто не успеет сдать, у того работы приниматься не будут. Два с половиной...

Не доставало только команды: «Руки – на стену, ноги – на ширину плеч!». А так по смыслу всё подходило.

А нас заранее предупреждали, что если кто не ответит хоть на один вопрос, получит «неудовлетворительно». А я же кондак только наполовину воспроизвел. То есть, можно сказать, что не ответил. Читаю через неделю вывешенные результаты проверки, а напротив моей фамилии — «Отлично»(!). Но дальше – больше.

Перед экзаменом по «Истории Древнего Востока» меня на работе загрузили так, что ни на какую подготовку и времени не осталось. Я умоляю:

— У меня – экзамен в субботу, можно я на следующей неделе это сделаю?

Рис.: <https://studlife.kz/post/771>

— Нет, нужно сделать до субботы.

В результате, я не только ничего не выучил, но даже и прочитать ничего не успел. Прислушиваюсь к себе: ну хоть какой-нибудь народ, хоть какая-нибудь битва? Будет какой-нибудь отклик?

Нет... Нет никакого отклика. Глухо.

Про владыку Серафима Соболева рассказывали, что перед экзаменом он как-то успел выучить только один билет. И молился со слезами на чердаке преподобному Серафиму Саровскому, чтобы помог сдать. И попался именно тот билет, который он выучил. Думаю: «Владыка Серафим Соболев хоть один билет знал, ему было из чего предоставить, а я то – вообще ни одного. Ну что толку читать акафист? Чем тут можно помочь?» Ну, из чувства долга всё-таки прочитал. Подавленный, захожу в аудиторию. Первый вопрос: «Народ кутиев». Но про кутиев, меня хоть ночью разбуди, я отвечу без размышлений: «Две тысячи сто девятый год. Утухенгаль». Маловато, правда, текста для ответа на экзамене, но уже хоть кое-что (!).

На первый вопрос я рассказывал преподавателю, как запоминал. Преподаватель хохочет, настроение у него уже хорошее.

— Ну, – смахивает слезинку с краешка глаза, – второй вопрос вы тоже не знаете?

— Знаю, — отвечаю, не моргнув глазом.

А единственная точка пересечения между нашим курсом истории и Ветхим заветом, была эпоха судей. И мне она как раз попалась вторым вопросом, а Ветхий завет я читал и раньше, и перед поступлением, и две недели назад, случайно, это место перечитывал. Там всего было двенадцать судей израильских. Про Гедеона я вспомнил, а на остальных меня всё равно заклинило. Думаю: «У кого же там волосы отрезали?» Только на второй день вспомнил: у Сампсона. Но второй день, конечно, для экзамена поздновато.

— Знаю, – повторяю, – Вот, про Гедеона могу рассказать... И делаю многозначительную паузу, мол, про остальных тоже могу, если у вас только времени достанет слушать.

И как вы думаете что он мне поставил?.. Ну, предположите...

«Пять баллов»!.. Вот что значит АКАФИСТ!

P.S. На втором курсе, я продолжал проводить наблюдение за интересующим меня предметом и к своему удивлению вынужден был констатировать такой факт, что на втором курсе акафист... перестал помогать. Или если и помогает, то не так ярко, не так знаменательно.

Меня спрашивают:

— А ты дозу не пробовал увеличивать? Может, привыкание наступает?

— Нет, – отвечаю, – у нас один паренек по три акафиста читал, и все равно на «заочный» перевели.

Я так думаю, что Господь нам показал, что Ему нетрудно сделать, чтобы попадался единственный выученный билет из всех. Но у ребят наших после первой сессии испуг вдруг прошёл, и они перестали посещать лекции. Из двадцати человек ходит только пятеро. Обидно, конечно, как говорится, за державу. И Ему, наверное, ничего не знающие специалисты тоже не нужны. Вот и закончилась наша, извините, масленица.

